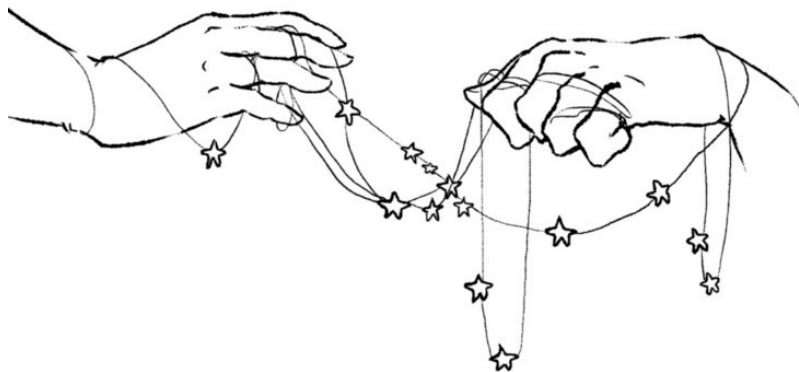

О Д И Н О К И Е
Ч У Д Е С А

АЛЕВТИНА ВИШНЕВСКАЯ

Алевтина Вишневская

Одинокие чудеса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34712298

ISBN 9785449301406

Аннотация

Аннотация:...потому что мы все одинокие, и все чудеса. Тексты про бестолковое, неправильное, но такое живое и прекрасное поколение.

Содержание

∞	5
∞	7
∞	9
∞	12
∞	14
∞	15
∞	16
∞	17
∞	18
∞	19
∞	20
∞	21
∞	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Одинокие чудеса

Алевтина Вишневская

*посвящается Лу, Амер и Леше
я не умею «письма письма, объяснять»,
и посвящения писать тоже не умею.
я вас просто люблю*

Иллюстратор Арина Левандовская

© Алевтина Вишневская, 2018

© Арина Левандовская, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4493-0140-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
дни проносятся слишком быстро. и не вспомнишь, что
ныне – сам. так безропотны и лучисты одинокие чудеса..

...годы сменяют другие лета. будет счастье и будет зло. и ко-
му, как не нам на этом впредь оттачивать ремесло?

Виктория Миловидова

я люблю маленькие фонарики и зажигалки
люблю простые полевые цветы. знаешь, мне дарили красивые дорогие букеты, а ромашки – ни разу. никто.

люблю море ночью. оно огромное, шумное и очень страшное. очаровывает.

люблю гулять по городу в пасмурную погоду.

люблю теплые свитера и громоздкие ботинки.

люблю кофе и апельсины.

люблю заворачиваться в одеяло после тяжелого дня, лежать и разговаривать с друзьями по переписке.

люблю смотреть, как играют дети.

люблю слушать голосовые от тех, кто далеко.

люблю читать стихи и сказки вслух.

люблю рисовать кактусы и котиков.

люблю упаковывать и дарить подарки.

люблю посиделки на веранде и бесшабашные коллективные ночевки.

люблю знать, что у моих близких все хорошо.

люблю плести ловцы снов, но никогда не оставляю их себе.

люблю, когда солнце уже село, но еще не темно: в такое время ветер разносит по городу нежность.

март'17.

письма

Я не умею писать письма, не могу объяснять – могу только чувствовать. Поэтому давай так:

...ляг в шесть, проснись в четыре, выйди на балкон в шортах и свитере, как ты любишь, посмотри на город, тетеньке в шляпе помаши рукой и вернись на кухню, замерзнув. Как описать то чувство, когда хочется вприпрыжку побежать в спальню, разбудить кого-то близкого и родного, крепко-крепко его обнять? И напоить кофе, и планы на день обсудить, и чтобы он на плечах покатал немножко?

...сядь вечером за работу, волосы в нелепый пучок скрутив, вспомни, что где-то там я так же сажусь за свои отчеты и переводы, кофе пью и кота левой ногой глажу – ну, не обижать же животинку, если рук не хватает. Сразу подумается, вот бы мы – в соседних комнатах, а не в разных уголках планеты...

...или сделай самолетик из бумаги, он получится кривой и летать откажется, я же знаю, что ты не умеешь делать оригами, но любишь его до безумия. Будь я рядом, было бы по-другому, верно?

О твоём согласии все говорит: то, как ты отдуваешь челку, как браслет застегнуть на руке просишь, как в кедах меж луж порхаешь, смеешься: «Догоняй быстрее!». Как на кружку чая порой смотришь (была бы еще одна для кого-то – вот здорово), как учиться пускать «блинчики» по воде зовешь, как на машине по городу катаешься и грустишь беспричинно.

Просто ты тоже не умеешь объяснять. Только чувствовать.

май'16.

«Мы тут смиренно бдим на страже твоих снов и иногда даже думаем, что зазря. За прошедшую зиму от тебя не пришло ни весточки, снег выпал в ноябре, и видел я тебя последний раз в первый снег, да и то сон был какой-то глупый и нечеткий, я уже почти забыл. Страшно соскучился, страшно хочу заобнимать, до сих пор помню, в волосах у тебя солнечные одуванчики – страшно обнаглел, хочу их взьерошить, пусть и ругаться будешь: волосы у тебя и так вечно спутаны. Страшно хочу хулиганить и топить кого-нибудь в лужах, на календаре конец марта, за окном почти кончилась зима. Если я начну что-нибудь творить, вляпаюсь и не выпутаюсь, потому держусь. Мне все-таки надо смиренно бдеть, сны у тебя сейчас фиговые, заработалась, чувствую...».

Письма мы пишем на лимонных корках, на коробке чая с Нового года, на брошюрках местного театра и кусках обоев; раньше писали на стенах домов соседней улицы, но их это жителей почему-то не устраивало. Хотели даже на облаках, но это – совсем уж себялюбие.

Сегодня я с вопиющей наглостью пишу на альбомном листе, обычной ручкой с синей пастой – даже безо всяких сумеречно-фиалковых отблесков: взяла ее у однокурсника

на лекции, да так и не отдала.

Я сама по себе – вопиющая наглость. Такую только носить на ручках и гренками кормить с утра пораньше. Может, тогда научу внаглую менять одну картину мира на другую и пихать звезды людям в капюшоны.

Пишу:

«Баба Люба мне сказала, что пора уже взрослеть и учиться принимать на себя ответственность за творимые деяния, а я сказала, что все равно полы в подъезде мыть не буду – пусть и моя очередь.

С домовым поссорилась на прошлой неделе, сказал, у меня «истинно человеческое, волшебством не излечимое влечение к унылой бесперспективной реальности», ушел к соседке снизу. Вчера возвращался за тапочками. Унес часы с кукушкой, три банки земляничного варенья, чашку с соевой и резиновые сапоги в горошек, про тапочки забыл.

С прошлой недели у меня гостит Реальность, конфеты жрет мешками, хуже тысячелетие голодавших джиннов и взыправдашних волшебников, будто спасается от аллергии на саму себя. Прячет наши стихи про китов, сует мне под нос дипломную работу (неготовую).

В лицо я ее правда так и не увидела, или увидела, но не узнала – ты вот помнишь, как она выглядит? И я не помню.

Звезды на небе теперь кто-то рисует вместо меня. Я ра-

да, что нашлись преемники, но позавчера нарисовали малой медведице слишком длинный хвост – не знаю, заметили ли люди, но вот морякам это могло навредить.

Ты ведь у меня не в плавание?

В пятницу утром помогала сестре с математикой, вечером запретила смотреть мультики, на следующий день отправила в школу, хотя обещала в парк. Нет, это уже совсем кошунство.

Конечно же, шучу.

Приезжай, я еще не повзрослела».

Июнь'16.

Лето делит меня с осенью. Я сижу в квартире, как жук в коробке, выхожу только за кофе и какой-нибудь едой. Лето за окнами веселое, пыльное и жаркое, и, честно, я его боюсь. В моих четырех стенах со вставкой двух комнат – прохлада и тишина, единственная проблема – стихи не пишутся. Без искусства жить смысла не вижу, клацаю иногда по клавишам – почти сочинил новую песню.

Вчера у меня появился славный ребенок. Наверное, соседка куда-то уехала и оставила его со мной, выбор-то невелик: сверху громогласные алкоголики, снизу – чокнутая кошатница, по бокам – разъехались на отпуска. Иногда я удивляюсь, как выживаю в этом мире.

Славный ребенок – девочка с белыми хвостиками и солнечными лучиками на ресницах. Она меня поругала за то, что не живу, ем плохо и в мир не высываюсь.

– Вообще-то, живу, – возразил я тоном взрослого человека. – А не высываюсь, потому что не хочется. Не ем, потому что не кормят.

– А-а-а, – понятиливо протянула курносая. – Все проблемы оттого, что не кормят. Тогда я тебе сейчас пирог испеку, ты наешься, меня полюбишь и в парк отведешь кататься на каруселях. И в мир выйдешь, и оживешь. Ты посмотри, как все просто оказалось.

– Если бы все женщины мыслили как ты.

– Тебе просто нужна большая маленькая девочка. Пирог с чем будешь? С яблоками? Или с апельсинами? Ты ее будешь любить, а она тебя кормить, и на каруселях вы пойдете кататься, только меня взять не забудьте. Где у тебя мука? Ты не раскисай, она тебя обязательно найдет. Подай яблоко. Или ты ее. В этой жизни все будет хорошо – так мама говорит.

– Откуда же взялся такой славный ребенок?

– Я тебе снюсь. Так что, пока сон не кончился, отведешь меня кататься на карусели?

...я теперь умею готовить яблочный пирог. А еще знаю, что если подарить кассирше в парке шарик или конфетку, тут же случатся какие-нибудь чудеса. Славный ребенок пересчитала кабинки на колесе обозрения и сказала, что каждый раз их число разное, потому что небесные джинны берут их как транспорт, когда летят исполнять людские мечты – никто ведь не следит.

Я сейчас вот о чем думаю. Давай ты приснишься мне или я приснюсь тебе, и мы вместе пойдём кататься на карусели? И славного ребенка возьмем, я же все-таки обещал.

июнь'16

Ладно, пора признать это – я скучаю. По тебе. По всем нашим. По прошлому. Нет, вру, это я пишу только для картинок, по прошлому я не скучаю, даже не думаю о нем – слишком трудно, слишком грустно, слишком дорого.

Много работаю. Потому что когда пишу – статьи ли, книгу, заметки на полях блокнота – больше ни о чем не думаю. Я беру путь наименьшего сопротивления: зарываюсь в работе, чтобы не думать о том, что меня тревожит.

Только сейчас поняла, что даже на вопрос: «Как дела?» – отвечаю, как дела в работе. Занята работой. Сплю, работаю, сплю. Знаю, что нужно брать выходные, но не хочу: куда же я без работы.

Ни для читателей я это делаю. Ни для заказчика. Ни для вдохновения. Для себя. Чтобы ни о чем другом больше не думать.

Я же говорила тебе, что я глупая. А ты не верил. Зато я одеваюсь по погоде и нормально ем. И знаешь, все еще жду.

Когда мы там пойдем кататься на карусели?

июнь'16

Моим городом правят сновидения и ветра. До Вселенной мне, может, далеко, но знаешь, время от времени она появляется из ниоткуда. Бредешь себе по улице, кутаясь в любимую куртку, смотришь на звезды – а там тысячи маленьких огоньков связаны белесыми нитями. Серебристый свет так высоко и в то же время так близко. И понимаешь, что вокруг целая Вселенная. Ты, конечно, об этом знаешь: в школе там рассказывали и в книжках писали, но то была лишь чистая теория, а здесь – вот она, обнимай скорее.

Вселенная есть.

В осколках звезд на подоконнике. В твоих руках, когда ты поправляешь мне капюшон и шапку. В моих бессмысленных бестолковых текстах. В ночных прогулках. В пробуждениях в чужой, но родной квартире. В любимых часах. В кофе, кофте и тетрадке с проектами (я никогда не успокоюсь).

Сколько бы мне не было лет, какое бы не наступило время года, в моем городе будут сны, ветер и твои руки.

июнь'16

Летом шестнадцатого года все было по-другому. Другие мысли, другие тексты, другое ощущение жизни.

...пеку пироги с вишней, выпадаю в детство, клею переводные татуировки на запястья, холодными вечерами таскаю огромные свитера, болтаю с псом, редачу тексты, любуюсь рассветом, плывущим по улице в три утра, и засыпаю счастливой.

Отдельная категория писем – истории двух людей, которые выдумали друг друга.

Знаешь, я всегда думал, что жить у холодного моря – это здорово. Там красивые грозы и хмурые облака, там лютуют ветры, зато можно круглый год носить теплые кофты и пить чай. Я всегда думал, что это здорово и романтично.

Я живу у моря, уже месяц болею: кашляю и температуру, не спасают ни чай, ни таблетки. Не знаю, как еще нужно извратиться, чтобы Вселенная послала тебя мне на спасение. Сначала, конечно, придумала, потом послала. Не нужно, чтобы у тебя в глазах мерцали звезды, и волосам совершенно необязательно пахнуть степными травами – это ведь лишь поэтическая выдумка. Когда любишь человека, звезды появляются сами собой.

Так что, где бы ты ни была и как бы ни выглядела, сочини-ся и приходи. Только возьми, пожалуйста, шарф: жизнь обещает еще много штормов.

Приходи, пожалуйста.

Посиди на веранде, покури. Куртку мне отдай, как настоящий джентльмен: ночи летом холодные, а я в тонких платьях таскаюсь (босиком, с распущенными волосами – да-да, как привидение, а скорее, как киношная «хрупкая и нежная девочка» – простужусь вот скоро, буду знать). На звезды посмотрим, помолчим. Ладно, веранды у меня нет, но, будем честны, тебя у меня тоже нет: ни фотографии, ни телефона, ни адреса почтового – ничего.

Я все думаю, что нужно сделать, чтобы Вселенная нас свела. Бумажку с желанием в шампанское бросить? Подвиг какой-нибудь совершить? Или замуж выйти за нелюбимого?

Раз у нас ничего нет, и нас нет, мечтать я могу о чем угодно. Так что все: ночь, веранда, ты, я, куртка, сигареты. Да будет так.

Меня нет. И тебя нет.

Но когда в небо взмывает бумажный змей, мы сидим где-то на краешке, солнце жжет его крылья – мы падаем и учимся летать.

Ты не думай, что это правда. Я просто иногда грущу, выхожу на веранду дома с чашкой чая, представляю, что ты его заварил, дом – построил, а на моих плечах твоя куртка. И так бывает обидно и одиноко, что наши звезды друг другу совсем чужие, думаю – их наверно просто нет. И нас нет: ни меня, ни тебя. И вообще все в этом мире рисуется и стирается волшебным карандашом из детской книжки.

...на одной из ее страниц ты лежишь головой у меня на коленях, я смотрю на звезды и не знаю, кем мы станем завтра. Просто кто-то рисует картины, новые, каждый день.

В чем смысл писем?

Расскажи мне, пожалуйста, что-нибудь красивое. Расскажи о том, как солнечный свет мешается со звездами и перламутровым светом растекается по краям листа. О том, что каждое слово – голос и улыбка, каждая черточка – дрогнувшая от воспоминания рука, каждое криво/сносно сшитое предложение – лишь способ удержаться от «скучаю» бесчисленным количеством раз на лист. О том, что письма карамельными нитями оплетают города, что слова летят сквозь километры, обнимают и греют лучше тех, кто обнимает ошутимо-бесчувственно, что нити никогда не рвутся. О том, что письма не горят и хранят целые вселенные и тысячи несказанных слов сквозь неразборчивый почерк.

Расскажи мне хоть что-нибудь. Я так устала придумывать эту жизнь одна.

ч е р н о в и к и

«Что тебе рассказать, если в голове бардак?

Безвкусные мысли. Бестолковые дни. Все, что я умею – прятать осенние страдашки по красивым, но совершенно бессмысленным текстам.

Жизнь стала простой и ломкой, как дешевая карамель. Не пишется. Не думается. Не живется».

Смять и выбросить.

«Бред это все. Я ведь только одно хочу сказать. Я тебя очень люблю.

В моем мире такой бедлам сейчас творится, но я справлюсь, я со всем справлюсь, я же совсем как ты».

...

...знаешь, разбиралась тут недавно в спальне, думала. Чем старше ты становишься, тем больше хлама выкидываешь из комнаты. Сначала игрушки: я же уже взрослая, зачем они мне; потом милое сердцу барахло, которое теряет ценность и только собирает пыль. Старые шмотки, книжки, учебники, бесполезные подарки – все меняешь, сортируешь нужное и ненужное, взрослеешь. Но из жизни хлам вы-

кинуть не можешь. С каждым годом его становится только больше.

Хочется прийти к тебе, по-детски радостно, с порога закричать: «Привет!» – плюхнуться на стул у окна и рассказать:

– А знаешь, у меня такой бедлам творится: работа, книга, конкурсы, друзья, собака комнату разгромила, кофе с утра убежал – но я все равно так счастлива, знаешь, так счастлива. И проблем, по-моему, целая куча, что сейчас, что впереди, но какая мне разница, если я знаю, что мы прорвемся? Ты же всегда со мной. Я тебя так люблю.

Это ведь так просто: прийти, улыбнуться, закричать по-детски радостно: «Привет!». Но некуда. Не к кому. Нас как-то взяли и разделили по мирам, мне по земным дорогам бегать, тебе – в Небо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.